

Меж ними всё рождало споры

Алексей ПАНИН

МЕЖДУ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ И ПОДВИГОМ

(О книге Носкова В.Н. *Надведомственный централ. Рассказы, сказки для взрослых.* – Челябинск, 2006. – 192 с.)

Сборник прозы Владимира Носкова «Надведомственный централ» составлен из трёх полунезависимых частей и представляет писателя как человека разностороннего. Рассказы, «сказки для взрослых» и очерк «Из «Нескончаемых заметок»» соперничают за внимание читателей, предлагая художественное освещение человеческой жизни, историко-философское (и при этом гротескно-сказочное) осмысление судеб Родины и ясный взгляд автора на собственную жизнь – в которой, как в миниатюре, отобразилась судьба писателя в России. Опыт интересный – в замыкающем сборник документальном очерке слышатся отголоски художественных рассказов, причудливые «сказки для взрослых» проясняются историческими отсылками (всё в тех же «Нескончаемых заметках»), художественные рассказы обнаруживают философию автора. Владимир Носков, единый в трёх своих творческих проявлениях, главный – но не единственный – герой всего сборника.

Здесь на бумажных страницах всё, чем жив человек – от первых солнечных воспоминаний до вызревших вечерних неуютных мыслей. Мы начинаем знакомство с автором погружаясь в мир детства в рассказе «Хук!», оказываемся в обезчеловечивающей суеверной городской жизни в рассказе «Звон чайной ложки», подходим к итогающим жизнь размышлениям в рассказе «Вечер в отдельном номере». А дальше тексты Носкова начинают выламываться из тесных жанровых рамок, превращаясь то в разговор о творчестве («Владислав»), то в эпикриз состояния впавшей в реформы Родины («Надведомственный централ»), то альтернативную Дарвинскую версию происхождения видов («О происхождении животных»). Вольные птицы, домашние животные и наглядная эволюция человека занимают автора в других рассказах – хотя здесь и первые и вторые только повод сказать о третьем («Двое», «Зорька»). А третий, переходная ступень между крестьянином и горожанином, важен не только как человек, сам по себе, но и как часть «нашей родовой», той страны, которая болит-беспокоит в русском сердце лично Владимира Носкова («Беседка»).

Для «разговора о важном» Владимир Носков использует речь столь же простую сколь и по-народному образную. У автора неповторимый, богатый фольклорными интонация-

ми, язык. Окружающий мир играет красками, преломляется радугой, дарит ощущение неподдельной поэтичности. Здесь кажется показателем произведение «Двое», небольшой рассказ (а по утверждению автора был).

Рассказ-быль «Двое», кроме прочего, примечателен возможностью увидеть характерные особенности короткой прозы Носкова – богатый язык, простой, намеченный почти пунктирно сюжет, неоднозначное завершение.

В этой простой истории местом действия становится безлюдная степь – русское «дикое поле» – но в описании Владимира Носкова она оказывается особенной, «заповедной степью». Пестреют «накрапы» ромашки, душицы, зверобоя. В седое от ковыля степное приозёрье вкраплены «торчки конского щавеля» – «тёмно-коричневые, багровеющие как бы от внутреннего жара». Затяжные «бусенящие» дожди сменяются солнечными днями – и светом полнится сама земля. «По земле пролегли широкие солнечные полосы, ковыли в них вспыхивали и гасли, увалы перемигивались белым ковыльным светом». Ещё чуть и лучик солнца, «солнечная блёстка», обретает форму птицы: «чайка пила воздух и отдыхала в его струе». Преображённая чудом чайка равна человеку. «Всё в ней – и очертания тела, и действия – полны доброго смысла». Наполненная смыслом птица выше человека. Происходит встреча, возникает диалог. С одной стороны, язык формул и приборов, «поделки аналитического ума», с другой – «язык птичьих жестов». И здесь впервые человечья речь терпит фиаско, герой произведения – сам автор – осознаёт недостаточность художественных средств и останавливается на границе, «срезах досок», остаётся одиноким перед лицом мира. Возможно, именно на этой – ощутимой не ногой, но сердцем, – узкой грани, автор приходит к пониманию недостаточности всех слов, отходит от художественной манеры повествования (не зря перед нами не рассказ, а был). И дальше всё больше Владимир Носков стремится не рассказывать истории, но передавать свои мысли.

В сборнике появляются «записки алкоголика» («Надведомственный централ»), фрагменты доисторической видеозаписи («О происхождении животных»), «сказки для взрослых» и «нескончаемые заметки» из взрослой жизни.

Попытки обобщений идут поперёк художественному строю произведений Владимира Носкова, лишают тексты той звонкой лёгкости и живописной яркости, которые делают писательскую речь живой, неповторимой. Вместе с тем – позволяют избежать опасности стать такой манерой изложения, где «не слова, а павлиний хвост, прости, Господи» ...

Слову, если оно хочет стать крылатым, лучше избегать павлиньих перьев. Владимир Носков знает, что не красотами должна украшаться фраза, не чинясь, он замечает, что обладает чувствованием слова «как материи, по цвету, по форме, по упругости» – и если порой кажется, что писатель увлёкся бытовым описанием или фантастическим гротеском, то верно здесь рядом с художником встаёт мыслитель.

В своей прозе Носков постоянно балансирует между возможностью высказать «мысль художественно... через образ» и попытками выйти за ограничения художественной литературы.

Что заставляет писателя «предать» врождённое чувство живописности слов? Почему обладающий собственным голосом литератор стремится к простоте разговорной речи? Откуда у автора книги недоверие к художественной литературе? В произведениях из сборника Владимира Носкова много автобиографичного и – вероятно именно поэтому – много горького. Кажется, человек долго шёл, достиг цели и увидел, что и это «суета и томление духа».

«...Среди всех моих жизненных намерений обязательным было «ура» – вхождение в литературу». Но вот появляется возможность «литературной жизни» и, одновременно, приходит понимание невозможности воплотить в этой жизни все идеалы юности.

«Сближение с реальной литературной средой памятно мне полосой болезненных замешательств...»

От простодушно-восторженного восприятия писателей: «почти святые», до суховато-трезвой констатации: «четыре наших товарища стали алкоголиками...», немалая дистанция, на которой вехами – первые книжки, вступление в Союз писателей, опыт профессиональной литературной работы.

От отчаяния и алкоголизма писателя хранит вера в своё писательское предназначение и чувство необходимости всего сотворённого. С первым у Владимира Носкова всё было неплохо – сохраняя трезвость восприятия своего собственного литературного дарования Владимир на все внутренние сомнения – «имею ли я право на творчество?» – твёрдо отвечал: «имею». «Потому что случай дал мне художественное воображение и эмоциональную память, а также чувствование слова как материи...». Что получилось со вторым – разговор отдельный.

В нашей стране на вопрос о смысле писательства часто отвечает совсем не писатель. На излёте Советской эпохи в литературное творчество властно вмешивалась «политическая цензура», а в начале эры первоначального накопления капитала «её, простую и желанную как лом» заменили «изошрённой цензурой экономической».

Утверждая, что никогда никто ему не указывал, как и что писать, Владимир Носков вместе с тем отмечает, что и он в своём творчестве бывал несвободен и, более того, многие строчки «кувалдой выбивал из себя». «Обстоятельства вели меня по жизни как милиционер дебошира»

В некотором смысле сборник Носкова и, в особенности, третью его часть можно воспринимать как пособие по выживанию отечественного писателя в предложенных обстоятельствах.

«...Творчество – это обострённая реакция на окружающее плюс способность выразить эту реакцию в слове...»

Быть писателем достаточно просто – нужно только ответить на два вопроса: «имею ли я право писать?» и «зачем я пишу?». Со вторым вопросом сложно всегда – как совет молодым литераторам звучит на страницах сборника писательское-выстрадавшее «если можете не пишите».

Однако сам Владимир Носков отвечает на второй вопрос своими книгами, рассказами и сказками. Отсюда следует, что своё творчество он считал необходимым.

Отчасти писатель Владимир Носков шёл в ногу со своей эпохой-милиционером, ему был близок и понятен лозунг: «искусство принадлежит народу». Но здесь важно отметить, что близость к простому народу для человека Владимира Носкова не декларативна, но органична. Это чувствуется и в авторском ощущении природы как храма, и в языке, – сочном, подробном в описании предметного мира (животного и растительного особенно), и в понимании народно-религиозной культуры. Так в одном из рассказов («Вечер в отдельном номере») приглашённая на «именины» Николая девушка мимоходом замечает, что именины конечно не настоящие: сейчас лето, а Николины дни весной и зимой. То есть «простой советский человек» безошибочно помнит, что день рождения и именины (день памяти святого-покровителя) это не одно и то же, а Николу-Угодника на Руси поминают не абы когда.

Кроме сохранённого от пращуров языка, помимо мыслей о судьбах Родины и путях писателя, сборник Владимира Носкова интересен как наглядное выражение жизненных убеждений автора – писатель становится литературным героем постольку, поскольку не отделяет себя от тех, о ком пишет. Мальчишка из таёжного захолустья, горожанин-трудяга без собственного дома, или застрявший в безлюдной степи странник-геодезист – созерцатель трав, собеседник птиц – все они двойники Владимира Носкова и, одновременно, представители того народа о котором только и стоит писать.

«Когда автору отказывали в издании выстраданной глубоко народной книги они [«окололитературщики»] оказывались под рукой с сочувствием и вином...» – эта фраза не о кривых писательских дорожках, не о парадоксах издательского дела и даже не о том, что есть литература, а есть что-то «около». В этих словах главное для писателя Владимира Носкова – книга должна быть выстраданной, книга должна быть народной.

«Ценность литературного произведения нельзя предсказать – это всегда «кот в мешке». Но если слово идёт не от сердца, не от боли, то и гадать не нужно: «кот в мешке» точно... полудохлый...»

Литература для хорошего писателя – род служения. Или подвиг. Сборник Владимира Носкова хорошая литература уже потому, что здесь писатель преодолевает себя. И боль и мысли, и все слова автора отданы другому человеку – тому, способному к труду и романтике, поэзии и пьянству, отчаянью и мужеству рабочему русскому человеку без которого и России-то нет.

В прозе Владимира Носкова есть свет, но нет трескучих фраз, нет той «социальной направленности», которой легко прикрыть писательские огрехи, – но есть чувство сопричастности людям «неписьменным».

В российских степях и при ордынских нравах легко потерять речь и если можешь не писать – лучше не пиши. Но если пишешь – не говори только от своего имени, от холодного расчёта, «не от сердца».

И голоса тех, кого ты любил и тех, с кем ты разделил одну на всех Родину, поддержат тебя даже во времена, когда «невозможно уклониться от выбора между предательством и подвигом» – но возможно сделать правильный выбор.